

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

УДК 316.35: 323.21:327

Клаус Шуберт, И.А. Кочев

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО ГРАНИЦЫ

Определены границы гражданского общества: теоретические – посредством трех измерений понятия «гражданское общество», аналитические – посредством концепции посредничества интересов, практические – посредством концепции негативной и позитивной свободы на примере Центрально-Восточной Европы и Запада. Авторы приходят к выводу о существовании разных границ у организаций гражданского общества, действующих в демократических и преддемократических условиях.

Ключевые слова: гражданское общество, свобода, группы интересов, Европа.

Тема гражданского общества вот уже несколько десятилетий занимает центральное место в социогуманитарных науках: политологии, политической философии, политической социологии, истории и юриспруденции. Проблемами гражданского общества занимаются целые кафедры¹ и институты², им целиком посвящены научные журналы³, монографии [1–5] и сборники научных трудов [6–9]. Но, пожалуй, еще важнее эта тема в политической реальности демократических государств, что частично объясняет необычайно широкий тематический спектр дискуссий о гражданском обществе и разнообразие их активных участников: от журналистов, творческой интеллигенции и ученых до партийных политиков и глав государств. На фоне всплеска гражданской активности в России в связи с последними парламентскими, а затем президентскими выборами вопросы гражданского общества приобрели особую актуальность и стали предметом обсуждения самых широких слоев населения. При этом следует признать, что несмотря на то, что тема изучена и описана самым основательным образом, как в политических, так и в научных дебатах продолжают возникать недоразумения и споры вокруг следующих основополагающих вопросов:

Что мы понимаем под гражданским обществом? Можно ли, и если да, то как охватить гражданское общество эмпирически? И, наконец, где начинается и где заканчивается гражданское общество?

¹ В Институте политических наук университета Мюнстера таких сразу две. В России можно назвать кафедру гражданского общества на факультете политологии МГИМО. – Прим. авт.

² Например: Институт филантропии и гражданского общества при Берлинском университете им. Гумбольдта. – Прим. авт.

³ Например, немецкие журналы «Новые социальные движения. Анализ демократии и гражданского общества» и «Журнал политического образования». – Прим. авт.

Для того чтобы внести ясность в актуальные дискуссии и ответить на эти вопросы, мы попытаемся очертить теоретические, аналитические и практические границы гражданского общества.

1. Теоретические границы: понятие «гражданское общество»

Отмеченная популярность темы гражданского общества в научных и общественных дебатах и широкий спектр использования термина автоматически подразумевают наличие множества трактовок гражданского общества, вписанных в исторический, политический и социально-экономический контекст. Тем не менее в этом разнообразии можно выделить три измерения понятия «гражданское общество»: философское, политическое и социологическое, которые вместе задают теоретические границы гражданского общества.

1. Философско-нормативная концепция гражданского общества как этического идеала общественного порядка, не столько описывающая, сколько предписывающая, дающая представление о лучшей жизни. Современные идеи гражданского общества, развивавшиеся Д. Локком, А. Фергюсоном, А. Смитом, Т. Пейном, Ш.-М. Монтескье, И. Кантом, Г. Гегелем, К. Марксом, А. Грамши¹ и др., были до определенной степени попытками предложить решение проблемы нового социального порядка, который складывался в Европе с конца XVII в. и был связан с зарождением капиталистической экономики и освобождением индивидуума от традиционных, отчасти первобытных коллективных связей. Неслучайно общим для всех современных идей гражданского общества был конфликт и дихотомия индивидуализма и коллективизма, частных и общих интересов и, наконец, общества и государства. С одной стороны, все мыслители XVII–XIX вв., рассуждая о том, каким *должно быть* гражданское общество, описывали общество, которого не было. С другой стороны, любая современная дискуссия (неважно, научная или общественно-политическая) о гражданском обществе в той или иной мере (вольной или невольной) отталкивается от концепций, разработанных в Новое время.

2. Прямое конкретно-политическое использование. Часто выдернутое из контекста духовного наследия европейских просветителей, а потому плоское и наивное понятие гражданского общества наделяется узкополитическим смыслом и используется как слоган различных движений и партий, а также отдельными мыслителями, критикующими с его помощью правительственную политику в своей стране и за ее пределами. Впервые термин «гражданское общество» был использован как орудие политической борьбы в 1960-е гг. в странах Латинской Америки: тогда антиавторитарное гражданское общество рассматривалось как альтернатива военной хунте и объединяло все оппозиционные военным режимам силы [4. Р. 71], а термин «гражданский» применялся скорее в значении «невоенный». В качестве альтернативы диктатуре, на этот раз пролетариата, термин также использовался оппозиционными силами Центрально-Восточной Европы в 1980-е гг. и служил скорее синонимом термина «демократия», который был дискредитирован социалистическими режимами, называвшими себя «народными демократиями». После «бархатных

¹ См. соответствующие разделы любого собрания сочинений.

революций» на рубеже 1980–1990-х гг. в Польше, Чехословакии и Венгрии «гражданское общество» превратилось в предвыборный лозунг партий власти [10. С. 97; 11. Р. 200], которые с его помощью играют на ностальгических чувствах избирателей. В современной России «гражданское общество» также используется партиями власти: в начале 1990-х гг. – как синоним демократии [12. С. 6], а сегодня в гораздо более узком смысле – для обозначения механизма обратной связи с властью, совершенствование которого стало одним из направлений внутренней политики Д. Медведева [13]. На Западе «гражданское общество» используется с 1980-х гг. как слоган «новых общественных движений» и гражданских инициатив, требующих участия в принятии политических решений, и интеллектуалов (в основном левого толка), выступающих за демократизацию политической системы и сглаживание побочных эффектов идеологии индивидуализма (особенно в США), а после окончания «холодной войны» – европейскими коммунистами как символ социальной справедливости.

3. Аналитическая концепция общественных наук. В социогуманитарных науках термин «гражданское общество» используется для описания и объяснения определенных форм социального феномена – социальной организации на макроуровне, или же как возможное поле для соединения микро- и макроуровней социального анализа. Все чаще понятие «гражданское общество» используют для описания определенных форм социальной организации, которые когда-то ассоциировались с идеями демократии и гражданства [11. Р. 201]. В целом, можно выделить три понимания гражданского общества как аналитической концепции:

а. Институциональный уровень политической социологии

Гражданское общество как институциональный порядок во многом пересекается с такими общими характеристиками демократии, как свобода создания и вступления в организации, свобода самовыражения, право голоса, право на занятие государственных должностей, право политических лидеров соревноваться за поддержку и голоса избирателей, свободная пресса, свободные и честные выборы, институты формирования правительственной политики на основе голосования и иных процедур выражения предпочтений [14, 15].

б. Феномен в области ценностей и убеждений

Морально-этическая трактовка гражданского общества связана с более или менее универсалистской формой ориентации части общественных акторов и определением гражданства в свете общечеловеческих, сильно обобщенных моральных связей. Такое понимание гражданского общества сочетает дюркгеймовский акцент на моральном индивидуализме как основе солидарности в современных обществах¹ [16] и веберовский акцент на возросшей рациональности современных форм социальной организации как воплощения универсальных ценностей [17. С. 509–546].

¹ Французский социолог Э. Дюркгейм был озабочен сохранением социальной солидарности в обществе индивидуумов, а потому рассматривал ее как нравственную категорию. – Прим. авт.

с. Дескриптивно-аналитическая концепция политологии

В политической науке термин «гражданское общество» [18. S. 335] используется для того, чтобы, с одной стороны, эмпирически охватить всю коллективную, общественно полезную и ответственную деятельность граждан, выраженную в самых различных формах самоорганизации и самоуправления, в так называемом предполитическом, негосударственном секторе и, с другой стороны, теоретически охватить все идеи совершенствования современных демократий путем развития гражданской солидарности и гражданского участия.

2. Аналитические границы: посредничество политических интересов в современных демократиях

Важно помнить, что характерная для многих современных концепций гражданского общества дихотомия общества и государства скорее имеет абстрактную природу, нежели отражает реальное положение вещей. Из дебатов о разумном соотношении общественного и публичного вовсе не следует, что общество и государство находятся по разные стороны баррикад. Как раз наоборот, в демократической традиции государство является самым крупным и могущественным общественным институтом, то есть организацией, проводящей в жизнь интересы общества.

Но как попадают общественные интересы, пожелания и требования в процессы принятия политических решений государства? Какие демократические организации и какие интересы доставляют в политическую сферу и заботятся о том, чтобы интересы граждан учитывались на самом деле? На этот вопрос политическая наука отвечает с помощью концепции «посредничества политических интересов». Важнейшими акторами посредничества политических интересов являются:

- ✓ партии и их представители в различных парламентах и правительствах,
- ✓ неисчислимые группы интересов и лобби, которые оказывают давление, особенно на соответствующие министерства, и наконец,
- ✓ разнообразие организаций гражданского общества, которые:
 - активны как при государственной поддержке, так и в ее отсутствие,
 - действуют как по собственной инициативе, так и по поручению государственных учреждений,
 - при этом всегда отличаются высокой степенью добровольности и самоопределения.

Что же представляют собой организации гражданского общества, и где происходит их гражданское участие?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, стоит взглянуть на текущее состояние изучения групп интересов. Еще в далеком 1989 г. У. фон Алеман осмысленно структурировал лишь кажущуюся размытой сферу организаций по интересам [19. S. 71]. В зависимости от общественно-политического значения той или иной организации по интересам, а также вероятности успешного проведения соответствующих интересов в жизнь можно вывести следующую типологию.

На первом месте стоят материальные интересы экономики и мира труда (союзы предпринимателей и лиц свободных профессий, профсоюзы, союзы потребителей). Второе место занимают организации в социальной сфере: объединения людей, претендующих на социальную помощь (например, союз

слепых), объединения по оказанию социальных услуг (например, союзы социального страхования), группы самопомощи (например, анонимные алкоголики). На третьем месте находятся организованные интересы в сфере свободного времени и отдыха (например, спортивные общества и союзы, клубы общения и хобби). На четвертом месте расположены религиозные, культурные и научные организации (например, церкви и секты, союзы ученых, образовательные объединения и союзы деятелей искусства). И наконец, на пятом месте стоят организованные интересы в сквозных общественно-политических сферах: идейные объединения (например, «Гуманистический союз», «Амнисти Интернэшнл»), общественно-политические объединения (например, за экологию, мир или женскую эмансипацию).

Это подробное описание алемановской типологии организаций, объединенных общим интересом, или организаций по интересам лишней раз показывает, насколько сильно переплетаются предметы исследования политологического изучения посредничества интересов и политико-социологического изучения гражданского общества. Но анализ групп интересов любопытен для изучения проблем гражданского общества не только из-за обширного пересечения исследовательских полей. Как выясняется, обращение к результатам исследований организаций по интересам полностью оправдывает себя и с точки зрения поисков подходящих аналитических рамок для изучения феномена гражданского общества в политической науке.

С одной стороны, из только что представленной типологии следует, что различные организации могут быть классифицированы на основании интереса, реализацию которого преследует входящее в них сообщество людей. Но это дифференцирование происходит не избирательно, а движется между двумя полюсами. На одной стороне находятся такие организации, как профсоюзы, интерес которых направлен в первую очередь на наделение их членов материальными благами. На другой стороне расположены такие организации, как церковь, интерес которых направлен в первую очередь на наделение их членов нематериальными благами. Между ними выстраиваются другие типы организаций, ориентацию интересов которых нелегко назвать абстрактно, поскольку она в большей степени зависит от конкретных целей создания организации. При этом всегда важно помнить, что интерес даже тех организаций, которые могут быть расположены на вышеназванных полюсах, не относится исключительно к материальным или нематериальным благам и услугам. Ведь любому материальному интересу в определенной степени всегда свойствен нематериальный интерес: «Интересы и идеи сами по себе не противостоят друг другу. Идеи так или иначе связаны с интересами, поскольку они должны приносить какие-либо результаты [...]. И наоборот, интересы связаны с идеями, поскольку они направлены на достижение определенных целей и используют легитимирующие средства. Нематериальный интерес какой-либо группы в интерпретации, артикуляции и реализации идей одновременно становится и ее материальным интересом, если она пытается за счет этого приобрести влияние и прибыль» [20. S. 42–43]. Однако в аналитических целях имеет смысл различать между материальными и нематериальными интересами, то есть различать то, что в реальном мире составляет одно целое.

Как материальные, так и нематериальные интересы преследуются организациями не в безвоздушном пространстве, а имеют целью специфичное общественное распределение именно тех благ, на которые их интересы направлены. Таким образом происходит посредничество интересов относительно интересов других общественных групп или даже относительно интересов всего общества. Поэтому с аналитической точки зрения в промежуточной сфере между обществом и политикой следует различать два измерения интересов [19. С. 26–29]:

- материальные интересы, ориентированные на перераспределение;
- нематериальные интересы, ориентированные на признание.

Итак, как аналитический критерий отличия оба этих измерения являются абстракциями, так что в каждом конкретном случае следует исходить из специфического сочетания материального и нематериального в самых разных соотношениях. Но в этой связи еще большее значение имеет то, что с преобладающей ориентацией того или иного специфического интереса – перераспределением или признанием – могут быть связаны различные способы посредничества и аккомодации интересов. В то время как материальные блага обычно делимы, и по ним можно вести переговоры и с большей долей вероятности заключать соглашения, ценности и убеждения, как правило, неделимы, и от них отступают значительно реже, что сильно ограничивает любые переговоры и поиски компромиссов. Согласно этим рассуждениям посредническую сферу между обществом и политикой можно разделить на четыре сектора: сектор организаций по интересам, мировоззренческий сектор, сектор гражданского общества и сектор политических группировок. Этим секторам могут быть приписаны соответствующие услуги социального и политического посредничества (рис. 1).

Источник:
Собственное изображение.
© Шуберт/Кочев 2012

Рис. 1. Гражданское общество с точки зрения посредничества интересов

Представленная нами модель позволяет рассмотреть гражданское общество аналитически-типологически, без нормативной надстройки. Преследование в широком смысле материальных интересов, как правило, ориентированных на перераспределение, характерно для организованных интересов в сфере экономики и занятости. Напротив расположены в широком смысле мировоззренческие организации, включая церкви и секты, цель которых заключается в реализации нематериальных интересов, то есть направленных на признание. Организации, находящиеся между этими двумя измерениями интересов, гораздо больше обеспокоены реализацией своих интересов в сфере политики, относятся к сектору политических группировок. Самыми активными организациями в этом секторе являются политические партии. Таким образом, для гражданского общества остается четвертый сектор этой объединенной модели. Этот сектор также занимает место между двумя измерениями интересов. Однако цель организаций по интересам, относящихся к этому сектору, состоит не столько в реализации их политических интересов, сколько в том, чтобы собрать вместе одинаковые или похожие специфические интересы граждан и реализовать их посредством объединения усилий, а при известных условиях сделать это самостоятельно.

3. Практические границы

3.1. История гражданского общества

В предыдущих разделах мы уже определили теоретические и аналитические границы гражданского общества. Для того чтобы наметить практические границы, необходимо обратиться к истории гражданского общества: не к истории *идеи* гражданского общества, а к истории гражданского общества как социального феномена. В связи с известными сложностями ее эмпирического охвата имеет смысл воспользоваться аналитическими границами и обратить внимание на деятельность организаций гражданского общества.

Так как тема гражданского общества за последние несколько десятилетий превратилась в популярную отрасль социогуманитарных наук, совершенно не удивляет огромное количество публикаций по истории гражданского общества. Помимо отмеченного выше соблазна свести историю гражданского общества к истории идеи («первопроходцем» в этом жанре был шотландский просветитель А. Фергюсон [21]), многие исследования происхождения гражданского общества начинают отсчет от греческого полиса [22–23]. В качестве обоснования подобной хронологии, как правило, ссылаются на сочинения Аристотеля, который ввел в литературный оборот словосочетание «гражданское общество». Но содержание древнегреческого понятия отличается от современного на столько, сколько отделяет нас от IV в. до н.э. Во-первых, под гражданами в Древней Греции понималась лишь узкая прослойка лично свободных и экономически независимых лиц мужского пола, что автоматически сигнализирует об иерархии и асимметрии власти – категориях, немислимых ни для одной современной концепции гражданского общества. Во-вторых, как следует из замечаний самого Аристотеля [24], гражданское общество в античном полисе было синонимично понятию политического сообщества, то есть сливалось с государством, а потому выходило за теоретические рамки современного понятия. Некоторые историки и политологи усматривают эле-

менты и ценности гражданского общества в XII в. н.э., связывая историю гражданского общества с историей ремесленных гильдий и свободных городов [25]. Можно лишь задаваться вопросом о том, насколько рационально желание увязать весьма современные идеи и концепции индивидуальности и основополагающегося на них общества с событиями столь далекого прошлого. Скорее всего, здесь преобладает понимание науки как средства доказать, что все это уже когда-то было.

С другой стороны, большое число работ связывает происхождение гражданского общества с началом подъема буржуазии как социального класса и особенно внимательно рассматривает вторую половину XIX в. [26]. Неслучайно именно в это время появляются такие влиятельные международные неправительственные организации, как «Амнисти Интернэшнл» (1861) и «Международный красный крест» (1863).

Вопреки распространенному мнению [27], эта тенденция не обошла стороной и царскую Россию. Конечно, есть российские исследователи, которые, подобно англичанину Э. Блэку с его «свободными городами», видят зачатки гражданского общества в новгородском вече [28], но большинство историков и социологов связывает зарождение русского гражданского общества с реформами 1860-х гг. [29. С. 22, 44–51]: отменой крепостного права, судебной реформой и реформой местного самоуправления, расширением прав университетов и студенчества, появлением свободной прессы и, особенно, института земства. Например, деятельность земских школ, больниц, агрономов и статистов и сегодня выглядит достойным подражания примером гражданского участия. В эти же годы разворачивают свою деятельность российские организации гражданского общества: более 700 сельскохозяйственных обществ, многочисленные предпринимательские организации: горнопромышленников, банкиров, издателей, мукомолов и др., – самыми заметными из которых были Общество для содействия русской промышленности и торговле и биржевые комитеты. Сюда же относятся общества взаимопомощи в городах (ставшие прообразами профсоюзов), кооперативы в деревне, благотворительные и просветительские общественные организации [30]. На этом фоне идеи гражданского общества развиваются представителями русской общественной мысли либерального направления второй половины XIX в.: Б.Н. Чичериным, Е.Н. Трубецким, П.И. Новгородцевым, С.Л. Франком [31]. О том, что в 1890–1917 гг. не только в столице, но и в русской провинции происходило становление элементов гражданского общества, на примере Саратовской губернии убедительно показывает немецкий историк К. Бёнкер [32]. Возрождение гражданского общества в современной России большинство исследователей справедливо связывает с появлением во второй половине 1980-х гг. свободной прессы и деятельностью первых независимых организаций в защиту прав потребителей и благотворительных организаций [33]. Отдельно стоит отметить общественные организации, направленные на содействие становлению гражданского общества в России. Примером на федеральном уровне может служить основанный в 1994 г. Институт проблем гражданского общества, на региональном – Фонд гражданского и политологического образования в Томске.

Несмотря на то, что история гражданского общества на Западе и Востоке укладывается в общие теоретические и аналитические рамки, практическое измерение демонстрирует большую разницу в понимании и функционировании гражданского общества в странах Западной Европы и Америки, с одной стороны, и Восточной Европы, с другой стороны [11; 27; 34. Р. 146–160]. Наш взгляд, ключ к пониманию различного успеха организаций гражданского общества заключается в различии доминирующих концепций свободы на Западе и Востоке.

3.2. Концепция негативной и позитивной свободы

Центральным аспектом политического и научного феномена гражданского общества, безусловно, является тема свободы. Свобода – это центральное основополагающее понятие современных демократических обществ [18. S. 113]. Прочно закрепившееся в разговорной лексике и настолько повсеместное, оно, казалось бы, не нуждается в более детальном объяснении. Но в аналитических целях термин «свобода» нуждается в конкретизации.

Впервые вопрос о разных концепциях свободы поднял в далеком 1958 г. английский философ русского происхождения И. Берлин [35], чем вызвал активную дискуссию в политической философии и общественных науках. Конкретно речь идет о двух вариантах свободы:

1. Первый вариант в общем обозначается как «свобода от чего-либо» или «негативная свобода». «Негативная» потому, что ее можно определить лишь через отграничение от внешней несвободы (от лат. *negātivus* – «отклоняющий»): «Свобода от ...» стремится к свободе от внешнего принуждения, к освобождению, к свободному от угнетения и дискриминации существованию. Спектр этого понятия свободы простирается:

– от молодежи, которая отвергает родительский порядок как проявление родительского принуждения и хочет как «молодые взрослые» самостоятельно и свободно определять свою жизнь;

– до многочисленных исторических и современных сильных и эффективных общественных движений, которые восстают против власти, принуждения и угнетения в нелиберальных демократиях, недемократических системах и диктаторских государствах.

Так, мы наблюдаем сегодня более или менее неожиданную и удивительную «арабскую весну» в Тунисе, Египте, Ливии и Сирии и видим, какие колоссальные силы гражданского общества могут быть вызваны вместе с этой волей к свободе.

2. Второй вариант в общем обозначается как «свобода для чего-либо» или «позитивная свобода» (от лат. *positivus* – «произвольный»). Она предполагает наличие до известной степени первой, «свободы от ...» внешнего принуждения и фокусируется на вопросе о том, для чего должна использоваться индивидуальная и общественная свобода. Поскольку такая свобода не ограничена внешними факторами, она стремится к самоопределению и чувству ответственности перед самим собой, и в таком случае возникает необходимость в альтернативных формах гражданской активности. В противном случае «произвольный» грозит перерасти в произвол – именно поэтому сам И. Берлин

считал негативную свободу «более гуманной», а потому свободой более высокого порядка.

Итак, в первом значении свободы существует нечто противостоящее, нечто, ответственное за собственную несвободу, и от которого люди хотят и должны отгораживаться и освобождаться. Во втором случае это противостоящее – возможно не полностью, но, по крайней мере, в значительной степени – преодолено, и великая задача состоит в том, чтобы использовать добытую свободу для личных и коллективных, общественных целей.

Борьба за свободу и самоопределение может быть очень тяжелой и самоотверженной, однако значительно тяжелее сохранить достигнутую свободу на века и прежде всего использовать ее не для личной корысти, а для коллективного, общественного благополучия. Эти размышления не только затрагивают тему гражданского общества, но и одновременно дают ясно понять, как много предпосылок необходимо для функционирования современных демократий.

Хороший пример того, для чего может быть использована общественная свобода, представляет новейшая история Германии. После освобождения от национал-социалистической диктатуры общество Западной Германии, оказавшись перед необходимостью восстановления экономики и политических структур, сделало свой суверенный выбор в пользу демократии и социально-рыночной экономики. И сегодня не будет преувеличением сказать, что актуальное место и признание Германии в Европе и мире, а также высокий индустриально-технический и экономический потенциал Германии вполне однозначно зиждется на открытом признании либеральных свобод и на прочном закреплении демократии и самоопределения не только в Основном законе¹, но, что гораздо важнее, и в сознании граждан. Развивавшееся параллельно с уровнем самоопределения чувство индивидуальной и коллективной ответственности привело к тому, что сегодня объединенная Германия является одним из мировых лидеров по развитию институтов гражданского общества и уровню гражданского участия.

В дальнейшем мы попытаемся прояснить взаимосвязь между гражданским участием и общественной свободой на примере различных успехов, достигнутых понятием «гражданское общество» и различными организациями гражданского общества на Западе и в Центрально-Восточной Европе. Для систематизации мы воспользуемся обоими вышеназванными понятиями свободы и посмотрим на молодые демократии с точки зрения негативной свободы, а на зрелые – с точки зрения позитивной.

3.3. «Свобода от ...»: движения гражданского общества в Центрально-Восточной Европе

Одним из важных рубежей в современной истории Европы стали процессы политической трансформации в Центрально-Восточной Европе в середине и конце 1980-х гг., которые вошли в историю под названием «бархатных революций», что подчеркивает мирный характер перехода от одной общественно-политической системы к другой. Очень важную роль в этом процессе иг-

¹ Немецкой конституции. – Прим. авт.

рали разнообразные – запрещенные, частично легальные, а позже неуправляемые – организации гражданского общества. Особенностью развития тех событий было то, что в отличие от предыдущих десятилетий диссиденты, правозащитники, профсоюзные деятели и т.д. действовали не поодиночке, а вполне очевидно представляли и высказывали мнение, равным образом разделявшееся растущей частью населения.

В большинстве стран региона до начала 1980-х авторитарные режимы исключали существование и развитие традиций самоорганизации гражданского общества, гражданского участия, добровольной гражданской активности. При реальном социализме государственному контролю были подчинены все без исключения стороны общественной жизни и, соответственно отсутствовали независимые от государства общественные институты, организации и группы [10. С. 95]. Лишь под влиянием социально-экономических и внешнеполитических факторов в начале 1980-х гг. начали выступать контуры теневого гражданского общества в форме оппозиционных и диссидентских движений, таких как «Солидарность» в Польше, «Хартия 77» в Чехословакии и «Национальный форум» в Венгрии.

Сегодня, спустя двадцать лет после «бархатных революций», очевидны отличия во внутренней динамике и логике трансформационных процессов в различных странах Центрально-Восточной Европы. Так, кажется, что в Польше над профсоюзом «Солидарность» преобладал политико-стратегический момент, который с самого начала был нацелен на кардинальные политические и общественные изменения, а также была велика роль католической церкви и Запада. В Чехословакии, кажется, что к «бархатной революции» привел скорее фундаментальный морально-этический дискурс, в позитивном смысле, буржуазно-интеллектуальной прослойки. А в Венгрии относительные свободы так называемого «гуляшного коммунизма» [11. Р. 172] и стабильность промышленного развития, кажется, способствовали доминированию экономических мотивов в преодолении режима Я. Кадара. Но общими для всех восточноевропейских движений гражданского общества были по меньшей мере четыре момента:

1. Идея постепенного реформирования общественно-политической системы путем оказания давления со стороны самоорганизованного общества и *добровольного* отказа от захвата власти [36. Р. 307], что не имело прецедентов в истории революционных движений.

2. Антитоталитарный элемент, призыв к либеральным свободам, демократии и самоопределению в почти всемогущем государстве. Это классический случай реализации гражданами негативной свободы, свободы от тоталитаризма, и в этом смысле происходила известная подмена термина «демократия» политически нейтральным «гражданское общество». По известному выражению самого В. Гавела, активиста «Хартии 77» и первого президента ЧССР: «Где гражданское общество не имеет достаточного простора для развития, там страдает демократия и открывается простор для тоталитарных сил» [Цит. по: 10. С. 86]. С этой точки зрения восточноевропейская концепция гражданского общества относится к известной традиции «нормативно-позитивных утопий» европейских просветителей, смысл которых в конечном

счете сводится к тому, чтобы ликвидировать эксплуатацию человека человеком.

3. Призыв к скорейшему присоединению к политическим свободам и политическому либерализму Запада [4. Р. 15]. В этом смысле организации гражданского общества рассматривались как первый шаг на пути к демократии западноевропейского типа и рыночным отношениям и, конечно, получали поддержку со стороны западных стран.

4. Движение за независимость. Популярность организаций гражданского общества Центрально-Восточной Европы объясняется также связью их требований с долгожданным обретением *свободы от* иностранного господства, а конкретно – от СССР. Ведь на протяжении всего Нового и Новейшего времени за исключением короткого межвоенного периода (1918–1939) государства региона не обладали суверенитетом, поэтому идея гражданского общества была своего рода альтернативой независимости.

С политологической точки зрения причины процессов политической трансформации в восточноевропейских государствах лежат в узком, опекающем, тоталитарном или по меньшей мере нелиберальном понимании государства, в итоге вызывающем не только абстрактное, но и практическое отделение государства от общества. Растущая пропасть между гражданами и государством на определенном этапе должна была неизбежно привести к распаду последнего и установлению общественно-политической системы, более адекватно обеспечивающей посредничество интересов. Поэтому не должно удивлять, что движущей силой этих процессов стали сами граждане.

С другой стороны, пример «бархатных революций» обнажает суть восточноевропейского понимания гражданского общества. В отличие от либерально-индивидуалистической модели гражданского общества на Западе, восточная концепция сводится к отграничению, освобождению от государства [34. Р. 38–39]. Например, в Венгрии, как отмечает А. Селигман, идея гражданского общества ассоциируется со всем, что не связано с государством, а слово «гражданский» обозначает все, отличное от государственных учреждений [11. Р. 202]. Соответственно, индивидуум в гражданском обществе рассматривается в первую очередь в рамках общественных атрибутов, которые определяют его или ее оппозицию к государству. Такая концепция, конечно, укладывается в классическую дихотомию государства и общества, но неизбежно придает гражданскому обществу как социальному феномену политический характер.

С учетом этих рассуждений вдвойне интересна судьба организаций гражданского общества в Центрально-Восточной Европе. Что же произошло после того, как граждане, наконец, реализовали «свободу от ...», и как они ею распорядились?

С одной стороны, либерализация политической жизни после крушения реального социализма создала политические и законодательные условия для самоорганизации общества. В начале 1990-х гг. стали появляться как грибы после дождя политические партии, общественные организации. Например, в Румынии в 1990 г. создавалось 400 неправительственных организаций в месяц. В Венгрии в 1992 г. по сравнению с предыдущим годом число общественных организаций возросло втрое [10. С. 95]. Буму самоорганизации в оп-

ределенной мере также способствовала ситуация неуправляемости и неопределенности, а также финансовая помощь Запада, который рассматривал организации гражданского общества как гаранта демократии и цивилизованного перехода от одной системы к другой, поддерживая, прежде всего, правозащитные, экологические организации, группы по мониторингу выборов, объединения по правовому образованию граждан и независимые СМИ [37].

Однако после кратковременного взрыва гражданской активности в начале 1990-х среди основной части общества наступил период отчуждения и пассивности [10. С. 96]. Те люди, которых когда-то объединяло простое отрицание режима, после переворота оказались разделены глубокими политическими и социальными противоречиями. В этих условиях даже самые успешные движения Центрально-Восточной Европы стремительно теряли влияние и поддержку. Показателен пример самого крупного независимого профсоюза «Солидарность»: если в 1980 г. он насчитывал 10 млн членов, то в 1990 г. – уже 2,5 млн, а в 2004 г. – всего 760 тыс. [10. С. 106]. Если еще в 1990-е гг. «Солидарность» была вовлечена в политическую жизнь и поддерживала партии, вышедшие из ее недр, то в 2001 г. профсоюз объявил о своей аполитичности и запретил использовать партиям свой бренд.

Причины упадка некогда мощнейших движений имеют двойную природу: во-первых, они выполнили свою историческую миссию и должны были уступить место новым институтам власти; во-вторых, широкие слои населения перестали видеть в них проводников своих интересов и, как следствие, утратили интерес к общественным делам и ушли в частную жизнь.

И в том и в другом случае большую роль сыграла позиция лидеров организаций гражданского общества в Центрально-Восточной Европе, которые боялись, что общественные движения могут нести в себе угрозу быстрому и эффективному проведению социально-экономических преобразований – либерализации, приватизации, встраиванию международного и иностранного капитала в национальную экономику, – а также их личной политической карьере: даже размытые программы этих организаций могли создать основу для появления новых партий – будущих конкурентов. Как отмечает английский политолог Б. Ломанс, «образованные слои общества и политическая элита предали народные революции 1989–1990 гг., а понятие гражданского общества использовали для легитимации своих позиций победивших [...] Когда в 1989 г. открылись возможности для воплощения идей гражданского общества в их классическом понимании – таком как терпимость, солидарность, самоорганизация, взаимодействие – укрывшаяся за властными стенами интеллигенция тут же обо всем этом прочно забыла» [38].

Например, в Венгрии «гражданское общество» стало лозунгом легитимации нового правительства, которое попыталось идентифицировать себя с ним (И. Динстбир: «У нас у власти находится гражданское общество» [Цит. по: 10. С. 97]), чтобы, с одной стороны, обеспечить себе поддержку среди населения и, с другой стороны, остановить дальнейшее развитие общественных движений. В итоге поиски реализации гражданского общества закончились избранием парламента и правительства Венгерского демократического форума, так что гражданское общество нашло выражение в новом государственном аппарате [11. Р. 7]. В Словении лидеры Комитета защиты граждан-

ских прав, созданного в 1987 г., стали учредителями первых политических партий – Словенского демократического союза, Словенского союза крестьян, Словенского социал-христианского движения и Социал-демократической партии [10. С. 97]. Выражением общих настроений в регионе стала гражданская акция с говорящим названием «Спасибо, уходите!», проведенная на десятиую годовщину «бархатной» революции в ноябре 1999 г. во всех крупных городах Чехии. Лидеры выступлений, требовавшие среди прочего роспуска парламента, приняли манифест «Спасибо, уходите!», который подписали более 200 тыс. человек. Примечательна реакция В. Гавела, который негативно оценил «оппозиционный договор», усмотрев в нем угрозу основам гражданского общества в Чехии [39].

История гражданского общества в странах Центрально-Восточной Европы после обретения ими негативной свободы позволяет сделать два важных для логики наших рассуждений выводы:

1. Практика реальной политики доказывает утопичность, а потому непригодность для научного анализа и политического планирования тех теорий, которые не просто противопоставляют гражданское общество государству, но и абсолютизируют его роль, утверждая, что гражданское общество, будучи саморегулирующейся системой, может обойтись и без политической надстройки в лице государства. Таким образом, в современных демократиях гражданское общество не может заполнять все политическое пространство и должно рассматриваться как дополняющее, а не исключающее государство.

2. Выступление экс-лидеров общественных движений в качестве реакционной по отношению к гражданскому обществу силы и нарушение демократической системы представительства интересов свидетельствуют о том, что для реализации общественной свободы в позитивном смысле необходима основательная, в том числе морально-этическая подготовка, отсутствие которой значительно повышает вероятность гражданской апатии, с одной стороны, и злоупотребления властью, с другой стороны. Таким образом, важнейшим фактором успешного функционирования гражданского общества в свободных от внешнего принуждения социально-политических системах, является чувство индивидуальной и коллективной ответственности.

3.4. ‚Свобода для ...’: граждане и западные антигосударственные идеологии

Начиная с 1980-х гг. без дебатов о функции и роли гражданского общества не обходится ни одно политическое течение на Западе: от «новых левых» и грамшистов, связывающих гражданское общество с идеями демократического социализма [40], вплоть до феминистических дискурсов [41]. Не остались в стороне и научные дисциплины: политическая философия, политическая социология и политическая теория. Так, Д. Белл использует концепцию гражданского общества для объяснения доктрины американской исключительности: «Требование возвращения гражданского общества – это требование возвращения управляемой шкалы общественной жизни», в которой особое место занимают «добровольные объединения, церкви и общины» на том основании, что «решения должны приниматься на местах и не должны контролироваться со стороны государства и его бюрократов» [42. Р. 56]. Комму-

нитарист Ч. Тейлор трактует идею гражданского общества как часть непрекращающейся борьбы за свободу в современном мире, направленной на «освобождение индивидуума от государства» и политическую децентрализацию [43], в то время как близкий ему по духу М. Уолцер сводит концепцию гражданского общества к достигнутому синтезу различных ценностей в поисках лучшей жизни [44]. Либеральная концепция, изложенная Р. Дарендорфом, делает акцент на гражданских правах, характеризуя гражданское общество существованием автономных, децентрализованных организаций и институтов как органов народной воли, в том числе политических партий, профсоюзов, промышленных предприятий, общественных движений и независимых университетов [45. S. 262]. Под влиянием социально-экономической ситуации в Центрально-Восточной Европе после «бархатных революций» Д. Коэн и Э. Арато распространяют классический дуализм «гражданское общество – государство» на гражданскую оппозицию рыночной экономике, а также подчеркивают дискурсивный элемент гражданского общества [4. P. VIII]. Это сильно сближает их не только с марксистом А. Грамши, но и немецким философом Ю. Хабермасом, который в качестве ядра гражданского общества рассматривает «негосударственные и неэкономические объединения и ассоциации на добровольной основе, которые укрепляют коммуникационные структуры общественности в общественной составляющей жизни» [46. S. 443]. Некоторые теоретики отождествляют гражданское общество с «новыми общественными движениями» демократического толка, которые не имеют четкой организационной структуры и политических амбиций, но стремятся привлечь внимание общественности к новым проблемам, таким как разоружение, атомная энергия, экология, права человека и др., с тем чтобы добиться *реформ* в соответствующих сферах [47; 48]. Нетрудно заметить, что в отличие от восточноевропейских концепций дебаты о гражданском обществе на Западе выходят далеко за рамки классической дихотомии государства и общества, но, несмотря на широкий разброс мнений, не переступают границы демократической парадигмы и не оспаривают принципы добровольности, автономии, альтруизма, толерантности и ненасилия.

Но почему и каким образом обсуждение гражданского общества на Западе именно в 1980-е гг. приобрело такой большой масштаб?

Некоторые ученые утверждают, что тема гражданского общества смогла приобрести на Западе огромное значение лишь потому, что гражданская активность в Центрально-Восточной Европе была столь успешной [4; 11. P. 4]. Безусловно, история общественных движений в странах соцлагеря 1980-х гг. послужила импульсом для возобновления дискуссий на Западе и воодушевила политические силы левого толка, но вряд ли она сама по себе могла вызвать такой резонанс в отсутствие внутривнутриполитических предпосылок в западных странах.

Дело в том, что в 1980-е гг. во многих капиталистических странах, в том числе ФРГ, к власти пришли неоконсервативные силы с особыми представлениями о взаимоотношениях государства и общества, изменившие некоторые направления государственной политики, что не могло не вызвать интеллектуальную и общественную реакцию. В этой связи отдельного упоминания заслуживают сороковой президент США Рональд Рейган и британский пре-

мьер-министр Маргарет Тэтчер. Эти личности были ключевыми фигурами движения, которое еще в 1960-е гг. начало ставить под вопрос значение и функции современного демократического государства¹. Аргументируя в основном с помощью экономических теорий, это движение, в том числе под флагом индивидуальной свободы и самоопределения, отстаивало необходимость дискредитации почти любых форм коллективно-общественного участия и государственно-политических интервенций. Конечно, несмотря на то, что обоих объединял идеал «минимального государства» и максимальных экономических свобод, в США и Великобритании эта идеология приобретала различные формы. В то время как так называемая рейганомика была направлена в первую очередь на значительное ограничение государственного вмешательства, особенно в сфере благосостояния и социального обеспечения, и на существенное снижение налоговой нагрузки, так называемый тэтчеризм, помимо сокращения государственных расходов, имел целью непосредственное разрушение коллективных организаций общества, особенно профсоюзов. К тому же для закостенелого индивидуализма британского премьера, прозванной за это «железной леди», общество как таковое и представление о социальном мире в особенности выступало сильным раздражителем: «[...] что есть общество? Нет такой вещи! Есть отдельные мужчины и женщины со своими семьями [...]» [49]. Эта основополагающая политическая установка, хоть и была сильнее выражена в англосаксонских странах, по своей сути находила в западной части света очень много убежденных сторонников и прокладывала путь во многие – как консервативные, так и социал-либеральные – правительства. Таким образом, во многих западных демократиях были адаптированы различные варианты этой идеи и, как следствие, инициированы дискуссии о «провале государства», «провале регулирования», «неуправляемости», «конце государственного интервенционизма» и т.п. В эту атмосферу свой значительный вклад вносили не только экономические, но и политические науки [50].

В этой ситуации в первую очередь в среде просвещенной социал-демократии, а также в социально-консервативных рядах начались поиски своего рода улавливающей линии или нового защитного экрана [51, 52]. Речь шла о некоей новой основополагающей политической идее и политическом плане, который бы, с одной стороны, признавал неизбежное отступление государства, а с другой стороны, путем провозглашения и расширения гражданского общества создавал новые коллективные институты, которые могли бы до определенной степени компенсировать отступление государства и достичь по меньшей мере сходных результатов в области безопасности, социального обеспечения и благополучия. Это также объясняет, почему идея гражданского общества особенно широко была представлена в социально и политически активной прогрессивно-демократической среде. Например, в Германии особую популярность эта концепция приобрела среди социал-демократов, «зеленых» и альтернативных движений.

¹ Крупнейшими теоретиками неоконсерватизма как политической философии считаются нью-йоркские интеллектуалы И. Кристал, Д. Белл, С.М. Липсет. – Прим. авт.

Хотя итоговый баланс рейганомики и тэтчеризма очень противоречив, провозглашавшаяся тогда идея слабого государства оказалась очень жизнеспособной и продержалась до сегодняшнего дня. Лишь под давлением недавних финансово-экономических кризисов и эффективного вмешательства государства в США и Европе вновь более трезво заговорили о подобающей роли государства. Даже Свободная демократическая партия в Германии, традиционно защищающая идею минимального государства, после успеха на выборах в бундестаг в 2009 г. потерпела ряд глубоких внутривнутриполитических поражений и была вынуждена дистанцироваться от одностороннего призыва к снижению налогов любой ценой. Однако на фоне роста государственного долга в США проявляется и обратная тенденция, которая наиболее ярко отражена в деятельности правопопулистского движения «бостонского чаепития», которое, между прочим, само может быть отнесено к гражданскому обществу.

3.5. Границы гражданского общества

Итак, с практической точки зрения границы гражданского общества могут быть очерчены через определение границ организаций гражданского общества. При этом следует исходить из существования разных границ у организаций, действующих в преддемократических и демократических условиях:

а. Границы организаций гражданского общества, которые активно участвуют в политических переворотах вплоть до принятия демократических политических конституций, лежат на ладони: как только они достигают своей цели, они существуют еще некоторое время, необходимое для защиты достигнутой цели, а затем прекращают существование. Впрочем, их выживание зависит от того, удастся ли им трансформировать самих себя, чтобы заниматься, так сказать, «установившейся» политикой в новых, демократических условиях. Как показывает пример Центрально-Восточной Европы, это удается крайне редко. При обстоятельствах, когда внешнее принуждение устранено и отношения между государством и обществом на самом деле определяются демократически, центральное значение приобретает второй, позитивный вариант свободы, а вместе с ним – организации гражданского общества совсем иного рода.

б. Границы организаций гражданского общества, действующих при демократическом режиме, определяются самоопределенными, самоорганизованными и самоответственными общественными интересами в так называемом предполитическом пространстве, то есть в сфере, в которой общество «предоставлено самому себе». Речь идет в первую очередь об интересах социальной защиты и обеспечения, образовательных и культурных интересах, границы которых определяют сами граждане. Разумеется, в этой сфере организации гражданского общества действуют не одни и, конечно же, часто пользуются государственной поддержкой и/или бюджетными средствами. Но при этом центр тяжести их деятельности в отличие от зачастую неповоротливых государственных учреждений лежит там, где затрагиваются существенные вопросы и проблемы – там, где поддержка и помощь действительно необходимы. Это значит, что они оперируют в основном в сфере само- и взаимопомощи и ее осуществления.

Если осознать и принять эти границы, то не будет вызывать удивления и возмущения вытеснение из политической сферы могущественных организаций гражданского общества, которые сыграли решающую роль в процессах мирной политической трансформации в Центрально-Восточной Европе. Ведь такова диалектика «свободы от ...» и «свободы для ...»: За мужественной, иногда жизненно важной психофизической борьбой за свободу следует «долгое и медленное сверление толстых досок»¹ в повседневности обретенной свободы. При этом важно помнить, что несмотря на отсутствие внешних границ «свобода для ...» подразумевает наличие границ внутренних, определяемых самим человеком. Развивая эту мысль, можно установить следующую корреляцию: чем ниже верхняя граница эгоизма и чем выше нижняя граница альтруизма в социуме, тем выше уровень развития гражданского общества.

Если мы говорим, что активное участие гражданского общества в этих условиях разворачивается, в первую очередь, в «предполитическом» пространстве, то это, разумеется, не значит, что имеется в виду «неполитическое пространство», и акторы гражданского общества «аполитичны» [4. Р. IX–X]. Как раз наоборот: оживленные, активные организации гражданского общества показывают, что такие абстрактные понятия, как свобода и демократия, существуют не только де-юре, но и де-факто – они принимаются и практикуются гражданами в содержательно-материальном значении и в качестве образа жизни.

Литература

1. *Абакумов С.А.* Гражданское общество в России. М.: Галерея, 2005.
2. *Anheier H.K.* Civil Society. Measurement, Evaluation, Policy. London; Sterling, 2004.
3. *Baker G.* Civil Society and Democratic Theory. Alternative voices. London; New York, 2002.
4. *Cohen J.L., Arato A.* Civil Society and Political Theory. New Baskerville, 1999.
5. *Hildebrandt R.* Staat und Zivilgesellschaft. Frankfurt a.M., 2011.
6. *Берлин А.Д.* Гражданское общество в России: надежды и реальность. М., 2005.
7. *Die Praxis der Zivilgesellschaft.* Akteure, Handeln und Strukturen im internationalen Vergleich. / Bauerkämper A. Frankfurt a.M., 2003.
8. *Future of Civil Society.* Making Central Euro-pean Nonprofit-Organizations Work / Zimmer A., Priller E. Wiesbaden, 2004.
9. *The Third Sector in Europe.* Prospects and challenges / Osborne S.P. Abingdon; New York, 2008.
10. *Демократическое правовое государство и гражданское общество в странах Центрально-Восточной Европы /* Ин-т международных экономических и политических исследований РАН. М.: Наука, 2005. С. 84–173.
11. *Seligman A.B.* The Idea of Civil Society. Princeton, 1992.
12. *Гайдар Е.* Дни поражений и побед. М., 1996.
13. *Дмитрий Медведев* поговорил с общественниками // Российская газета. 2008. 20 марта.
14. *Dahl R.* Polyarchy: Participation and Opposition. New Haven: Yale University Press, 1971.
15. *Lijphart A.* Democracies: Patterns of Majoritarian and Consensual Government in Twenty-one Countries. New Haven: Yale University Press, 1984.
16. *Durkheim E.* Professional Ethics and Civic Morals. Westport: Greenwood Press, 1958.
17. *Вебер М.* Избранные произведения / Под ред. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990.
18. *Schubert K., Klein M.* Das Politiklexikon. Bonn; Dietz, 2006.
19. *Alemann U. von.* Organisierte Interessen in der Bundesrepublik. Opladen, 1989.
20. *Lepsius M.R.* Interessen, Ideen, Institutionen. Wiesbaden: VS, 2009.

¹ Известная цитата М. Вебера о политике. – Прим. авт.

21. *Фергюсон А.* Опыт истории гражданского общества / Пер. с англ. И.И. Мюрберга. М.: Росспэн, 2000.
22. *Schmidt J.* Zivilgesellschaft. Bürgergesellschaftliches Engagement von der Antike bis zur Gegenwart. Hamburg: Rowohlt Verlag, 2007.
23. *Reichardt S.* Civil Society – A Concept for Comparative Historical Research // Future of Civil Society. Making Central European Nonprofit-Organizations Work / Zimmer A., Priller E. Wiesbaden: VS, 2004. S. 35–55.
24. *Аристотель.* Сочинения в 4 т. / Пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1984. Т. 4.
25. *Black A.* Guilds and Civil Society in European political thought from the 12th Century to the Present. New York: Ithaca, 1984.
26. *Kocka J.* Zivilgesellschaft in historischer Perspektive // Neue Soziale Bewegungen. 2003. S. 29–37.
27. *Стенограмма лекции профессора М. Урбана «Почему принято считать, что в России нет гражданского общества?»* [Электронный ресурс] // Международный институт гуманитарно-политических исследований. – Режим доступа: <http://www.igpi.ru/info/people/urban/1137583711.html> (дата обращения: 5.04.2012).
28. *Тулупов В.Г.* Русь Новгородская. М.: Эксмо, 2009.
29. *Гражданское общество.* Мировой опыт и проблемы России: ИМЭМО / Отв. ред. В.Г. Хорос. М.: Эдиториал УРСС, 1998.
30. *Степанский А.Д.* Общественные организации в России на рубеже XIX–XX вв. М., 1972.
31. *Карпутов Б.Н.* Концептуальные основы политической доктрины русского классического либерализма // Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. 2011. № 3 (15). С. 120–125.
32. *Bönker K.* Akteure der Zivilgesellschaft vor Ort? Presse, Lokalpolitik und die Konstruktion von "Gesellschaft" im Gouvernement Saratov, 1890–1917. // Die Praxis der Zivilgesellschaft. Akteure, Handeln und Strukturen im internationalen Vergleich / Bauerkämpfer A. Frankfurt a.M., 2003. S. 77–104.
33. *Городецкая И.Е.* Становление «третьего сектора» и добровольчества // Гражданское общество в России: структуры и сознание / Отв. ред. К.Г. Холодковский. М.: Наука, 1998. С. 128–153.
34. *Howard M.M.* The Weakness of Civil Society in Post-Communist Europe. Cambridge University Press, 2003.
35. *Berlin I.* Two Concepts of Liberty // Four Essays on Liberty / Belrin I. Oxford: Oxford University Press, 1969. P. 118–172.
36. *Pelczynski Z.A.* Solidarity and "The Rebirth of Civil Society" // Civil Society and the State. New European Perspectives / Kean K. London, 1988. P. 361–380.
37. *Каротерс Т.* Помощь Западу становлению гражданского общества в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2000. № 1. С. 2–9.
38. *Lomax B.* The Strange Death of "Civil Society" in Post-Communist Hungary // The Journal of Communist Studies and Transition Politics. March 1997. Vol. 13. P. 58–60.
39. *История южных и западных славян:* учебник для вузов: в 2 т. / Под ред. Г.Ф. Матвеева, З.С. Ненашевой. Т. 2: Новейшее время. М.: Изд-во МГУ. 2001.
40. *Bobbio N.* Die Zukunft der Demokratie. Berlin, 1992.
41. *Pateman C.* The Fraternal Social Contract // Civil Society and the State / Keane J. London: Verso, 1988. P. 101–128.
42. *Bell D.* American Exceptionalism Revisited: The Role of Civil Society // The Public Interest. 1989. № 95. P. 38–56.
43. *Taylor C.* Modes of Civil Society // Public Culture. Fall 1990. Vol. 3, № 1. P. 95–118.
44. *Walzer M.* Zivilgesellschaft und amerikanische Demokratie. Berlin, 1992.
45. *Dahrendorf R.* Der moderne soziale Konflikt. Essays zur Politik der Freiheit. Stuttgart, 1992.
46. *Habermas J.* Faktizität und Geltung: Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaates. Frankfurt a. M., 1992.
47. *Rucht D.* Soziale Bewegungen und ihre Rolle im System politischer Interessenvermittlung // Die Zukunft der Demokratie. Herausforderungen im Zeitalter der Globalisierung / Klingemann H.-D., Neidhardt F. Berlin, 2000. S. 51–69.

48. *Cohen J.* Strategy or Identity: New Theoretical Paradigms and Contemporary Social Movements // *Social Research*. 1985. Vol. 52, № 4. P. 663–716.
49. *Thatcher M.* Aids, education and the year 2000 // *Woman's Own*. 23.09.1987. P. 8–10.
50. *Jänicke M.* Staatsversagen. Die Ohnmacht der Politik in der Industriegesellschaft. München: Piper Verlag, 1992.
51. *Giddens A.* The Third Way. The Renewal of Social Democracy. Cambridge: Polity Press, 1998.
52. *Mikfeld B.* Führt der Dritte Weg in ein neues Zeitalter der Sozialdemokratie? // *Blätter für deutsche und internationale Politik*. April 1999. S. 437–449.